

А. А. ФЕТ В ОЦЕНКЕ В. Я. БРЮСОВА
(1890 – первая половина 1900-х гг.)

Кристина Сарычева
(Тарту)

Восприятие поэзии А. А. Фета В. Я. Брюсовым уже становилось предметом исследований. Впервые к этой теме обратился С. И. Гиндин в статье «Неосуществленный замысел Брюсова» [Гиндин]. Исследователь показал, как лидер русского символизма оценивал баллады Фета 1847 г. «Метель» и «Геро и Леандр» в черновых набросках к «Истории русской лирики» (1895–1896), оставшейся нереализованной. По словам С. И. Гиндина, баллада «Метель» для Брюсова была поводом продемонстрировать *общее* свойство поэзии «мгновенных настроений» Фета [Там же: 194]. Важнейшее наблюдение исследователь сделал по поводу оценки Брюсовым баллады «Геро и Леандр». Гиндин справедливо заметил:

...хотя Брюсов прекрасно понимал мировое значение Фета, любил и цитировал многие его стихи, в целом Фет как личность был ему чужд: «До какой степени Фет стоял выше “добра и зла”, показывают, например, последние стихи “Геро и Леандр”» [Там же].

Гиндин указал на те требования к произведению искусства, которые, в понимании Брюсова, были близки и Фету: импрессионистичность произведения искусства, замкнутость художника исключительно в области эстетики и непричастность поэта к проблемам нравственности.

А. Ханзен-Леве в книге «Русский символизм» [Ханзен-Леве], как и С. И. Гиндин, отмечал соотнесенность эстетических взглядов Брюсова с поэзией Фета. Характеризуя статью Брюсова «А. А. Фет. Искусство или жизнь» (1903) Ханзен-Леве писал о ряде ключевых тем в поэзии Фета, обращавших на себя внимание критика: иррациональные состояния сознания, противопоставление реального и потустороннего мира, «“голубой” “тюрьмы” индивидуального существования и экстатического освобождения в надмирное» [Там же: 29].

К проблеме восприятия поэзии Фета Брюсовым обращался И. С. Жемчужный в статье «Поэтика и творчество А. А. Фета в оценке В. Я. Брюсова» (1992) [Жемчужный]. Исследователь попытался охватить все высказывания символистского лидера о Фете за 1890–1920-е гг. Указанная статья, таким образом, является ценным библиографическим источником. Однако в ней не затрагивается вопрос об эволюции эстетических взглядов Брюсова, и в результате исследователем не всегда соблюдается хронологический принцип в изложении материала. Кроме того, главной темой поэзии Фета для Брюсова исследователь считает «тонкие настроения духа». Однако эта тема была замечена еще современниками Фета и с тех пор стала общим местом в статьях о нем. С нашей точки зрения, тема «невозможности воплотить красоту» была намного важнее для Брюсова.

Проблеме фетовских подтекстов в стихотворениях Брюсова посвящены соответствующие главы диссертаций О. Я. Алексеевой «Рецепция лирики А. А. Фета в творчестве русских символистов» [Алексеева] и О. Г. Аториной «А. А. Фет и русский символизм» [Аторина]. Но об оценке поэзии Фета в литературно-критических статьях Брюсова в них не говорится. Мы считаем, что историко-литературные и литературно-критические статьи Брюсова не следует рассматривать обособленно от его философско-эстетических взглядов. Попытаемся рассмотреть восприятие лирики Фета в литературно-критических статьях, дневниковых записях и стихотворениях Брюсова 1890 – начала 1900-х гг., учитывая эволюцию его эстетических взглядов.

Личность и поэзия А. А. Фета привлекали внимание Брюсова на протяжении всей его литературной деятельности (1890–1920-е гг.).

В 1890-е гг. Фет интересовал Брюсова прежде всего как предшественник русского символизма. В заметке «Зоилам и аристархам» («Русские символисты», 1895), адресованной противникам русского символизма, Брюсов писал:

...русский символизм имел и своих предшественников — Фета, Фофанова <...> многие стихотворения Фета смело могут быть названы символическими — таковы, напр.: Ночь и я, мы оба дышим... Сад весь в цвету... Я тебе ничего не скажу... Давно в любви отрады мало... Ты вся в огнях... [Брюсов: VI, 33].

Выстраивая новое литературное течение, Брюсов пытался исторически осмыслить предшествующий период русской литературы.

К 1890-м гг. относится оставшийся неосуществленным замысел «Истории русской лирики» Брюсова. В 1895 г. он упоминает о ней в «Черновой тетради. 21», а 11 декабря 1896 г. в «Дневнике» пишет: «Ближайшей целью моей жизни ставлю «Историю русской лирики». Труд этот займет года три, если только будет свободное время, а то и лет пять» [Брюсов 1927: 42]. Свою цель при этом Брюсов определял так: «Задача моя — проследить развитие форм в области лирики, указать, как одни из них подготовляли другие, как постепенно русская поэзия понимала великую тайну символизма <курсив автора. — К. С.>» [Там же].

Сохранившиеся черновые наброски и планы «Истории русской лирики» [Брюсов РГБ] показывают, что Брюсов считал поэзию Фета одним из главных этапов на пути возникновения русского символизма. В плане 1896 г. третья часть названа «Пушкинская школа поэтов и Фет». Согласно плану 1897 г., Фет, как и Баратынский, Майков, Павлова и Тютчев, мыслился Брюсовым поэтом пушкинской школы. Ему и другим поэтам посвящена третья часть второго тома, озаглавленного «Пушкин и его ученики» [Там же: 1]. В третьем томе предполагалось говорить об упадке лирики в 1860-х гг., названных Брюсовым эпохой «Безвременья». Новое возрождение поэзии в 1880-е гг. озаглавлено выходом «Вечерних огней» Фета: «Часть 3. Возрождение лирики. «Вечерние огни» Фета» [Там же].

Таким образом, в обоих планах «Истории...» поэзия Фета рассматривается Брюсовым как значимый этап на пути русской поэзии от пушкинской школы к символизму.

Предмет многих стихотворений Брюсова 1890-х гг. — тема «искусства» (среди них — «Поэзия» (1892), «Сонет к форме» (1895), «Творчество» (1895) и т. д.). Поиски Брюсова в сфере искусства тоже были связаны с поэзией Фета. Фрагмент стихотворения Фета «Кому венец: богине красоты» («И что один твой выражает взгляд, / Того поэт пересказать не может») [Фет: 104] Брюсов берет эпиграфом к стихотворению «Эпиталама» (1896) [Брюсов: III, 237]. Как и в стихотворении Фета, в нем развивается тема «невозможности передать красоту» («Не выразит священный стих / Сулимым вам очарований!»). А стихотворение «Вечер» (1896) (“*Me eum esse*”, 1897) [Там же: I, 111–112], где говорится о передаче

в искусстве мимолетного впечатления («Пусть же в строфах, пусть в искусстве / Этот миг навеки дышит»), предваряют строки «Но в стихе умиленном найдешь / Эту вечно душистую розу» из стихотворения Фета «Если радуется утро тебя» (1887) [Фет: 255].

В дневниковой записи 16 декабря 1896 г. Брюсов сравнивает себя с Фетом, испытывавшим творческие муки и призывавшим вдохновение:

...Сегодня читал я корректуру “Me eum esse” и ко мне вернулась жажда стихов — но где же «песнодавческий» родник! Ужели мне суждено пережить то же, что и Фету.

Долго, долго я алкал
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасно!

Муза, где ты! Увы, моя прежняя муза умерла, а новая, явившаяся мне среди утесов Кавказских гор, закрыла лицо и покинула меня, видя, как я оскорбляю ее лучшие заветы... [Брюсов 1927: 42].

Из этого сравнения следует, что в рассматриваемый период (1890-е – нач. 1900-х гг.) для Брюсова «муки творчества» были важнейшей темой поэзии Фета. Характерно также то, что размышления Брюсова о возможности адекватного выражения вдохновения в поэзии по времени совпадают с актуализацией для него поэзии Фета.

Отдельная литературно-критическая статья Брюсова о поэзии Фета «А. А. Фет. Искусство или жизнь» появилась в 1903 г. в №№ 1–2 журнала «Мир искусства» и позднее вошла в сборник статей Брюсова «Далекое и близкое» (1912). Публикации статьи предшествовало выступление Брюсова в январе 1903 г. на одном из заседаний Московского литературно-художественного кружка с докладом о поэзии Фета, вызвавшим широкий резонанс. Более подробно о нем мы скажем ниже.

В статье Брюсов обращается преимущественно к стихотворениям Фета 1880–1890-х гг., опубликованным в третьем и четвертом выпусках «Вечерних огней» (1888, 1891): «Поэтам» (1890, 4 вып.), «Как беден наш язык! — Хочу и не могу» (1887, 3 вып.), «Одним толчком согнать ладью живую» (1887, 4 вып.), «Как богат я в безумных стихах!» (1887, 3 вып.), «Как трудно повторять живую красоту» (1888, 4 вып.) [Фет]. Перечисленные стихотворения относятся к периоду увлечения Фета философской систе-

мой Шопенгауэра. Однако ключевое для Брюсова фетовское стихотворение «Кому венец: богине ль красоты...», в котором, как он считает, представлена главная для Фета проблема адекватного воплощения вдохновения, было написано в 1865 г. и опубликовано в первом выпуске «Вечерних огней» (1883).

В статье «А. А. Фет. Искусство или жизнь» Брюсов говорит о том, что сущность поэзии Фета заключается в противоречии между желанием воплотить «порыв души» и невозможностью передать его в поэзии. Творческая деятельность Фета «была мучительной борьбой с незвучным и упорным стихом, бессильным передать порыв души», — пишет он [Брюсов: VI, 209]. Критик пытается выяснить истоки названного противоречия.

В основу статьи положена актуальная для символистов идея о разделении преходящего, недолговечного мира явлений и высшего мира сущностей. Как считает Брюсов, такое разделение было присуще и Фету. Первый он называет «голубой тюрьмой» (образ из стихотворения Фета «Памяти Н. Я. Данилевского», 1886), «сном мимолетным» («Измучен жизнью, коварством надежды», 1864) [Фет]. Мир сущностей он называет «солнцем мира». Из «голубой тюрьмы», в который заключены люди, есть выход к идеальному миру при помощи интуиции, иррациональных форм сознания (опьянение, прозрение, экстаз).

Ключевой идеей Брюсова в интересующей нас статье является невозможность адекватного воплощения красоты в искусстве:

Слова, краски, мрамор, звуки — косный и чуждый материал! Как во временном воплотить вечное, в явлении выразить сущность, словом передать несказанное? И рядом с тютчевским определением, имеющим всю глубину и всеобъемлемость формулы: «мысль изреченная есть ложь», должно быть поставлено равносильное, но исполненное жизни, восклицание Фета:

О, если б без слова

Сказаться душой было можно! [Брюсов: VI, 214].

Брюсов полагает, что только в индивидуальности, в человеческой личности и заключена красота, а поэт должен стремиться к воплощению именно сиюминутных чувств, впечатлений, явлений жизни.

Согласно Брюсову, предмет поэзии не может быть адекватно воплощен в стихе, поскольку его средства — слова, принадлежат смертному, преходящему миру явлений.

В статье «Фет. Искусство или жизнь» прослеживается спор Брюсова с Вл. Соловьевым. Как показала С. Кульюс в диссертации «Формирование философско-эстетических взглядов В. Я. Брюсова и его творчество 1890-х гг.» [Кульюс], Брюсов в указанный период в эстетических и литературно-критических статьях развивает идеи, полемичные по отношению ко взглядам Вл. Соловьева. В первой половине 1900-х гг., то есть после смерти философа, эта полемика уже не могла восприниматься современниками так же остро, как раньше, однако спор с Вл. Соловьевым все еще присутствовал в статьях и манифестах Брюсова.

Как известно, Вл. Соловьев полагал, что каждый предмет действительности ценен только потому, что он имеет связь с *всеобщей идеей*. Брюсов же, как последователь учения Лейбница о *монадах*, утверждал уникальность каждого предмета действительности. Ему было близко представление об абсолютной достоверности «я» как индивидуальности.

Еще одной точкой расхождения Брюсова и Соловьева во взглядах является их отношение к *способам познания*. Соловьев считал, что познание возможно только посредством *разума*. Такие состояния, как интуиция, прозрение, сон расцениваются им как проявление «темной» стороны сознания и человеческой личности. Брюсов же критиковал его за то, что он обращается к сознанию, находящемуся лишь в состоянии бодрствования, а другая область сознания для него оказывается скрытой, недоступной [Там же: 119]. Сам Брюсов полагал, что возможно и нерассудочное постижение мира. Например, в статье «Истины. Начала и намеки» (1901) он писал: «...есть и другие пути постижения мира: мечты, предчувствия, откровения» [Брюсов: VI, 55].

Значимым событием в контексте популяризации «нового искусства» Брюсовым и его восприятия фетовского творчества стал доклад поэта 7 января 1903 г. в Московском литературно-художественном кружке, заседания которого Брюсов стал посещать с 1902 г.

Тезисы доклада были напечатаны в газетах и раздавались посетителям Кружка, а также были изложены Брюсовым в статье «Фетовский вечер и фетовский скандал» («Новый путь», № 2,

1903), о которой речь пойдет далее. Сам текст доклада не сохранился. Его содержание заключалось в том, что Фет стремился найти в поэзии средства для воплощения иного, идеального мира, и поскольку выполнение этой задачи оказалось невозможным, он обратился к изображению человеческой личности.

Согласно Брюсову, индивидуальность заключает в себе все проявления бытия. Такая идея прослеживается и в его поэтическом творчестве. Наиболее показательным в этом отношении является стихотворение «Я» (1899): «Мне сладки все мечты, мне дороги все речи / И всем богам я посвящаю стих...».

На вечере присутствовали люди, не разделявшие идей «нового искусства». В литературной комиссии Кружка председательствовал психиатр Н. Н. Баженов (автор книги «Символисты и декаденты. Психиатрический этюд», 1899). Кроме него на вечере были присяжный поверенный М. Л. Мандельштам, сотрудник газеты «Новый день» С. Б. Любошиц и один из директоров Кружка Э. Э. Матерн. Как вспоминал В. Ходасевич, «литературная комиссия состояла из видных адвокатов, врачей, журналистов, сиявших достатком и либерализмом» («Московский литературно-художественный кружок» (впервые опубл. в парижской газете «Возрождение», 10, 17 апреля 1937) [Ходасевич: 374]). Ироничное отношение поэта к собравшейся публике и явное сочувствие мемуариста В. Я. Брюсову может быть связано с тем, что Ходасевич считал его своим учителем (см.: [Богомолов 1996]).

Из сторонников «нового искусства» на вечере присутствовали поэт, художник, публицист А. А. Койранский. С ним и его братьями Борисом и Генрихом Брюсов познакомился на одном из заседаний Кружка в 1902 г. В дискуссии также принимали участие поэт-символист А. А. Курсинский, университетский товарищ Брюсова и литератор М. Н. Семенов, в конце 1890-х гг. примкнувший к кругу символистов, в который входили К. Д. Бальмонт, С. А. Поляков, Ю. Балтрушайтис.

Целью Брюсова в рамках «фетовского вечера» было представить идеи символизма с его утверждением самоценности личности, свободы воли и проблемой адекватного выражения в произведении искусства «полноты бытия». На примере творчества Фета он пытался показать, что все эти идеи существовали в русской поэзии и до возникновения символизма.

Кроме того, очевидно, что Брюсов рассчитывал на острую реакцию со стороны слушателей. Он читал доклад о Фете накануне чествования памяти Некрасова, 8 января 1903 г. исполнялось 25 лет со дня его смерти, на что указал Любошиц в заметке «Разговоры» («Новости дня», 26 января). Более того, Брюсов прочел стихотворение Фета «Псевдопоэту», которое скрыто адресовано Некрасову. Он противопоставил ему Фета, у которого, как пишет Любошиц в указанной заметке, «был будто бы такой идеал свободы, который и не снился Некрасову» [Любошиц].

Речь Брюсова вызвала оживленную дискуссию в литературном кружке. Однако присутствовавшие на вечере стали говорить не о поэзии Фета, а о его личности. Противники «чистого искусства», либералы (Баженов, Мандельштам, Любошиц) видели в нем главным образом помещика, который в своем творчестве создавал возвышенный образ поэта, а в жизни был «крепостником и эпикурейцем».

После доклада Брюсова Н. Баженов прочел и подверг критике фрагмент из цикла очерков Фета «Из деревни» (1863–1864). Любошиц отметил двойственность личности Фета и упомянул о его связи с одиозным журналистом-консерватором и националистом М. Н. Катковым.

В московских газетах кроме изложенных фактов говорится и о «Моих воспоминаниях» Фета (1890), в которых поэт предстает в «неприглядном свете». Так, например, Любошиц в заметке «Разговоры» отмечает: «...никто не может сказать о Шеншине ничего хуже того, что он сам о себе с удивительной наивностью и поразительной откровенностью поведал в напечатанных им воспоминаниях» [Там же].

В заметке 9 января 1903 г. «Фетовский вечер» репортер газеты «Русское слово» Н. Георгиевич рассказывает о своей встрече в кулуарах Кружка с племянником Фета, надеявшимся на то, что Брюсов в своем докладе даст объективную оценку личности поэта и в Фете «перестанут видеть крепостника А. А. Шеншина» [Георгиевич: 3].

Предметом критики также стали взгляды Брюсова на искусство, оставшиеся или не понятыми, или неразделенными.

Судя по словам Н. Георгиевича, смысл доклада остался не ясным аудитории: «Весь доклад этот представился мне огромным туманным пятном, в котором может быть, и скрыты миллионы

миров, но так искусно скрыты, что их потом не сумеет открыть и сам докладчик, когда они ему понадобятся» [Георгиевич: 3].

Любошиц в заметке «Разговоры» (Новости дня, 12 января) подвергает резкой критике как русский символизм, в частности, представления Брюсова об искусстве. Он пишет о беспочвенности и неестественности русского символизма. Любошиц сравнивает процесс возникновения русского и европейского символизма. В Европе данное течение возникло естественно, в ходе развития настроений в обществе, а русский символизм, созданный искусственно, лишь подражает ему.

Совершенно с другой стороны описывает «фетовский вечер» Брюсов под псевдонимом «Москвитянин» в статье «Фетовский вечер и фетовский скандал», появившейся во № 2 1903 г. одного из главных символистских журналов «Новый путь». Прежде всего он подчеркивает значимость проблемы «нового искусства»: «Когда речь заходит о «новом искусстве» (а случается это часто), зала делится на два враждебных лагеря: одни топают, шипят, другие рукоплещут, — почти как на представлениях первых драм Гюго» [Брюсов 1903: 189].

Излагая события вечера, Брюсов пишет о сторонниках «нового искусства», декадентах Койранском, Курсинском, Семенове, пытавшихся вернуть разговор к теме доклада. В других же заметках об этом речь не идет. Как мы видим, для Брюсова было важно указать на своих единомышленников. По этой же причине он пишет и о слушателях, покинувших зал, когда Любошиц произнес свою речь:

Говорил Любошитц, хроникер мелкой московской газетки, «Новости дня», ободренный примером предшествующего оратора, он понесся по той же дороге, закусив удила. Речь свою он начал с фразы, уже ставшей знаменитой, потому что она обошла столбцы чуть ли не всех столичных провинциальных газет: «Поэзия Фета — шикарно одетая женщина, на которой Бог знает какое грязное белье». С этим бельем Любошиц сравнивал нравственную личность Фета, который будто бы взял у кого-то займы 100 000 рублей и не вернул их, который был против принципов 60-х годов и водил дружбу с Катковым. К чести московской публики надо отнести, что многие во время этой речи демонстративно покинули зал [Там же: 190].

Брюсов упоминает также М. Л. Мандельштама, выступившего против его высказываний о Некрасове:

После Любошитца говорил Мандельштам, небезызвестный присяжный поверенный. Этот постарался блеснуть своим «либерализмом». Воспользовавшись тем, что в докладе были процитированы стихи Фета к Некрасову, где Некрасов назван «псевдо-поэтом», Мандельштам произнес громовую речь на тему, что «отечество в опасности», что посягают уже на Некрасова и в заключении сравнил Брюсова с Дантесом, убийцей Пушкина [Брюсов 1903: 190].

В завершении статьи Брюсов упоминает о полемике в печати, продолжавшейся 3 недели (последняя заметка о вечере, вышедшая в «Новостях дня» 26 января 1903 г., принадлежит Любошицу) и о смене руководства Кружка, последовавшей за «фетовским скандалом».

С 1903 г. «младшие» символисты, А. Белый, Вяч. Иванов начинают активно себя проявлять. Исследователи отмечают влияние младосимволизма на поэтику Брюсова (например, [Максимов: 47]). В это же время Брюсов начинает размышлять об объединении русского символизма. Новая эстетическая программа этого литературного течения была изложена в статье «Ключи тайн» («Вестник», 1904). С докладом, ставшим основой статьи, Брюсов выступил 27 марта в Москве в Историческом музее, а 21 апреля 1903 г. — в Париже в кружке русских студентов. В «Ключах тайн» Брюсов приходит к идее о том, что задача искусства состоит в объединении людей. Художник теперь мыслится направляющим человечество из обыденного мира («голубой тюрьмы») к свободе.

Таким образом, в статье «Ключи тайн» появляется идея, которой не было в статье «А. А. Фет. Искусство или жизнь» — о спасении человечества с помощью искусства. Включая фетовский образ «голубой тюрьмы» в свои рассуждения, Брюсов связывает новые идеи с поэзией Фета, но уже в ином ракурсе: «Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его «голубой тюрьмы» к вечной свободе» [Брюсов: VI, 93].

Таким образом, в 1890 – начале 1900-х гг. поэзия Фета интроспективно рисует Брюсова в контексте организации русского символизма. Фет мыслится предшественником нового литературного течения. Как мы показали, в статье о нем Брюсов развивает идеи, полемичные по отношению к Вл. Соловьеву. В отличие от Соловьева Брюсов считал, что красоту невозможно передать в слове адек-

ватно. Однако в начале 1900-х гг. эстетические взгляды Брюсова меняются, индивидуалистские идеи сменяются идеей всеобщности, он приходит к идеям Соловьева (о возможности адекватного воплощения красоты в искусстве) и Л. Толстого (об искусстве как средстве общения и как средстве спасения людей из «голубой тюрьмы», обыденного, преходящего мира явлений). И, что самое главное, с новыми идеями Брюсов связывает поэзию Фета.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева: *Алексеева О. Я.* Рецепция лирики А. А. Фета в творчестве русских символистов. Диссертация на соискание степени к. филол. н. М., 2003.
- Аторина: *Аторина О. Г.* А. А. Фет и русский символизм. Диссертация на соискание степени к. филол. н. Смоленск, 2005.
- Богомолов *Богомолов Н. А.* Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном быту // Новое литературное обозрение. 1996. № 14.
- Брюсов: *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975.
- Брюсов РГБ: *Брюсов В. Я.* История русской лирики // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 40. Ед. хр. 3.
- Брюсов 1903: *Брюсов В. Я.* Фетовский вечер и фетовский скандал // Новый путь. 1903. № 2. С. 189–191.
- Брюсов 1927: *Брюсов В. Я.* Дневники: 1891–1910. М., 1927.
- Георгиевич: *Георгиевич Н.* Фетовский вечер // Русское слово. 1903. 9 янв. С. 3.
- Гиндин: *Гиндин С. И.* Неосуществленный замысел Брюсова // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 189–203.
- Жемчужный: *Жемчужный И. С.* Поэтика и творчество А. А. Фета в оценке В. Я. Брюсова // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1992. С. 205–222.
- Кульюс: *Кульюс С.* Формирование философско-эстетических взглядов В. Я. Брюсова и его творчество 1890-х гг. Тарту, 1982.
- Любошиц: *Любошиц Б.* Разговоры // Новости дня. 1903. 26 янв. С. 2.
- Максимов: *Максимов Д. Е.* Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969.
- Фет: *Фет А. А.* Вечерние огни. М., 1979.
- Ханзен-Леве: *Ханзен-Леве А.* Русский символизм. СПб., 1999.
- Ходасевич: *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. М., 1991.